

говорить царевичъ, «въ этой задачѣ нѣтъ ничего и мудренаго», а самъ сейчасъ руку въ шапку и выпустилъ своего наряднаго селезня. Всѣ бояре и вельможи въ одинъ голосъ такъ и ахнули, закричали: «ай-да молодецъ же, царевичъ! Достоинъ взять за себя Елену Премудрую!» Елена Премудрая бровки нахмурила, и говоритъ: «нѣтъ, постойте; пусть исполнить напередъ мою третью задачу,—коли онъ точно молодецъ, пусть принесетъ мнѣ три волоса изъ головы, да три волоса изъ бороды моего дѣда, морскаго царя: тогда я готова за него идти замужъ». Воротился домой царевичъ темнѣй осенней ночи — ни на что смотрѣть не хочетъ, ни съ кѣмъ не говорить. «Не тужи, царевичъ!» успѣлъ ему шепнуть на ухо Иванъ, купеческій сынъ, а самъ за шапку-невидимку, да опять во дворецъ — видитъ, что Елена Премудрая въ свою колымагу садится, собирается ѣхать на сине море. И нашъ Иванъ, въ своей шапкѣ-невидимкѣ, туда же въ колымагу сѣлъ, и во всю прыть на царевниныхъ борзыхъ коняхъ понесся къ синему морю.

Пріѣхала Елена Премудрая къ синему морю, сѣла подь скалой прибрежною на большой камень, обернулась лицомъ къ морю синему, стала вызывать морскаго царя, своего дѣдушку. Закипѣло, какъ въ бурю, сине море; и при ясной погодушкѣ вздулась пучина волною великою, заломилась наверху серебро-пѣнистымъ гребнемъ, подкатилась къ прибрежью словно ласкаючись, разбилась легохонько о златъ-прибрежный песокъ, растеклась хрустальными струйками, разметала по берегу жемчужныя раковинки — и поднялся изъ воды по поясъ старый, старый дѣдъ: на головѣ копна-копной сѣдины курчавыя серебромъ на солнцѣ блестятъ,

отливаются, на густыя брови космами падаютъ; а лицо, словно мхомъ, поросло густо-на-густо золотой бородой—на грудь широкой волной опускается, по плечамъ разсыпается, прикрываетъ тѣло до пояса. Оперся морской дѣдъ о камни своими гусиными лапами, глянулъ въ очи Елены Премудрой своими зелеными очами и вымолвилъ: «здравствуй, внучка желанная! Давно я съ тобою не видался, давно ты меня не ласкала... А ну-ка, расчеши мнѣ головушку». И припалъ онъ ко внучкѣ на колѣни косматой своей головищею, и забылся сладкою дремою... А Елена Премудрая стала по волосамъ дѣда гладить, стала сѣдя кудри на пальцы наматывать, въ кольца свивать, стала дѣду на ухо ласковыя рѣчи нашептывать, тихой пѣсенкой его убаюкивать, и какъ только увидѣла, что заснулъ ея дѣдъ, она и вырвала у него изъ головы три серебряные волоса. А Иванъ купеческій сынъ у ней изъ подъ рукъ цѣлый пучокъ выхватилъ. Дѣдъ проснулся, глянулъ на внучку и промолвилъ съ просоныя: «никакъ ты съ ума сошла? Вѣдь больно!»—«Прости, дѣдушка»,—говорить Елена Премудрая, «давно я тебѣ кудрей твоихъ не разбирала—всѣ-то перепутались». Дѣдъ и не дослушалъ ее, опять захрапѣлъ; а царевна немного спустя, у него изъ бороды три волоска вырвала. Иванъ купеческій сынъ думаетъ: «и мнѣ нужно», схватилъ дѣда за бороду, да цѣлую горсть волосъ изъ нея и вырвалъ... Взревѣлъ морской дѣдъ, очнулся отъ сна,—да въ пучину какъ бухнетъ—только пузырья вверхъ...

На другой день выходитъ царевна въ палату и думаетъ: «ну, теперь ужъ царевичъ мнѣ навѣрно попался!» И показываетъ она царевичу три волоса золотыхъ да три се-

ребряныхъ: «что, царевичъ, добылъ ли ты такого дива». — «Ну, царевна! нашла чѣмъ хвастаться! Да не хочешь-ли я тебѣ этой дряни по цѣлому пучку подарю!» Завопила вся палата отъ удивленья, какъ царевичъ и точно изъ-за пазухи вытащилъ дѣдовы волосы. Разсердилась Елена Премудрая, побѣжала въ свою опочивальню, стала смотрѣть въ волшебную книгу—и видитъ, что не царевичъ хитеръ, а слуга его любимый — Иванъ-купеческій-сынъ. Воротилась она къ гостямъ и говоритъ тихо, вкрадчиво таково: «не одинъ ты, царевичъ, мои загадки разгадывалъ; помогалъ тебѣ твой любимый слуга, Иванъ... Хотѣлось бы мнѣ посмотрѣть на добраго молодца—пришли его ко мнѣ поскорѣй»... — «У меня, царевна, не одинъ слуга, а цѣлыхъ двѣнадцать». — «Да ты того пришли, котораго Иваномъ зовутъ». — «Да ихъ и всѣхъ зовутъ Иванами». — «Ну, пусть всѣ пріѣдутъ», а сама про себя думаетъ: «ужъ я отыщу виноватаго». Прислалъ царевичъ своихъ слугъ:—явились во дворецъ двѣнадцать молодцовъ, всѣ на одно лицо, ростъ въ ростъ, волосъ въ волосъ, голосъ въ голосъ. «Кто между вами наибольшій?» А тѣ всѣ разомъ и загорланили: «я наибольшій! я наибольшій!» — «Ну», думаетъ Елена, «такъ васъ не поймала, изловлю другимъ способомъ»—и велѣла подать одиннадцать простыхъ чарокъ, а двѣнадцатую золотую; налила тѣ чарки дорогимъ виномъ и стала добрыхъ молодцовъ подчивать. А изъ нихъ никто на простыя чарки и глядѣть не хочетъ: всѣ къ золотой потянулись, и давай ее вырывать другъ у друга—только шуму надѣлали да вино расплескали! Видитъ царевна, что не удалась ея штука, и велѣла слугамъ царевича во дворецъ ночевать. Съ вечера ихъ до-сыта накормили, напоили, на

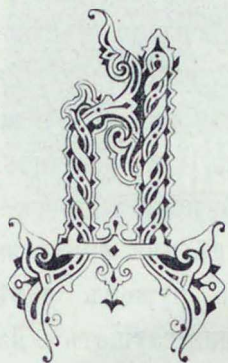
мягкія перины спать уложили. Какъ заснули добрые молодцы крѣпкимъ сномъ, такъ и пришла къ нимъ въ покой Елена Премудрая, заглянула въ свою волшебную книгу, и тотчасъ угадала, который изъ нихъ Иванъ-купеческій-сынъ; взяла она ножницы и остригла ему волосы на лѣвомъ вискѣ, думаетъ: «по этому знаку я завтра его узнаю и казнить велю». Прежде всѣхъ проснулся по утру Иванъ купеческій сынъ, схватился за голову и видитъ — високъ-то остриженъ! Вскочилъ съ постели и давай будить товарищей: «скорѣе», говоритъ, «берите, братцы, ножницы, стригите себѣ виски». Черезъ часъ времени позвали ихъ къ Еленѣ Премудрой. Смотритъ царевна, а у нихъ у всѣхъ виски острижены. Съ досады ухватила она свою волшебную книгу и закинула ее за печку, позвала къ себѣ царевича и говоритъ: «выхожу за тебя замужъ! Готовься къ свадьбѣ!» И посылаетъ царевичъ впередъ своихъ добрыхъ молодцовъ, говоритъ Ивану: «поѣзжай къ сестрѣ, прикажи все къ свадьбѣ изготовить». Приѣхалъ Иванъ къ царевнѣ, рассказалъ ей о братѣ и приказаніе передалъ. — «Спасибо тебѣ, доброму молодцу, вѣрному слугѣ, на твоей службѣ», говоритъ Ивану царевичева сестра; «скажи теперь самъ, чѣмъ мнѣ тебя пожаловать?» — «Да чѣмъ пожаловать?» отвѣчалъ Иванъ купеческій сынъ, «прикажи на старое мѣсто въ темницу посадить». Какъ его царевна ни уговаривала, онъ таки настоялъ на своемъ.

Приѣзжаетъ царевичъ съ невѣстою, встрѣчаютъ его всѣ вельможи, бояре и гости торговые, съ удачей поздравляютъ, хлѣбъ-соль ему подносятъ... Народу собралось столько, что хоть по головамъ ступай! «А гдѣ же Иванъ, мой вѣрный слуга!» спрашиваетъ царевичъ; «отчего я его здѣсь не

вижу?» Докладываетъ ему царевна: «ты же самъ приказалъ его за какой-то сонъ въ темницу посадить». — «Какъ такъ—да неужто это тотъ самый!» — «Тотъ самый—я его только на время къ тебѣ въ помощь отпускала». Приказалъ царевичъ привести къ себѣ Ивана, бросился ему на шею, залился слезами, просить не поминать его лихомъ. «А знаешь ли ты, царевичъ?» говоритъ Иванъ купеческій сынъ, «вѣдь я потому тебѣ и не рассказалъ тебѣ своего сна, что мнѣ тогда во снѣ все то привидѣлось, что послѣ съ тобой приключилось!.. Ну, самъ посуди, сказалъ бы я тебѣ это—ты бы меня вѣрно полоумнымъ счелъ?» — И наградила царевичъ Ивана, сдѣлала его послѣ себя во всемъ царствѣ наибольшимъ; а Иванъ выписалъ къ себѣ отца съ братьями, и стали всѣ вмѣстѣ жить поживать, добра безъ счета наживать.

Сказка о Демьянѣ-мужикѣ.

авно-ли, недавно-ли, — сказать не умѣю, — а знаю, что жилъ въ одномъ селѣ мужикъ, упрямый и задорный, Демьяномъ звали. Былъ онъ нравомъ и крутъ, и суровъ, и съ кѣмъ, бывало, ни заспорить, все норовить на своемъ поставить. Чуть кто не по немъ сказалъ или сдѣлалъ, на того онъ, бывало, сейчасъ съ кулаками бросается, съ тѣмъ въ драку лѣзетъ. Зазоветъ, бывало, къ себѣ сосѣда въ гости, начнетъ его потчивать; сосѣдъ посовѣстится, либо помолиться захочетъ, станетъ отказываться; а нашъ мужикъ сейчасъ его бить, да еще приговариваетъ: «въ чужомъ домѣ хозяина слушай».

Вотъ и случилось однажды: зашелъ къ Демьянушкѣ въ гости одинъ бойкій дѣтина. Нашъ мужикъ и давай его угощать: наставилъ полонъ столъ кушаній. Дѣтина все, блюдо за блюдомъ, къ себѣ подвигаетъ да молча за обѣ щеки убираетъ. Нашъ мужикъ глядѣлъ, глядѣлъ, да и вынесъ ему свой лучший кафтанъ, и говоритъ: «скидай свой zipунъ, надѣвай мой кафтанъ!» А самъ думаетъ: «авось онъ откажется станетъ, тогда я и проучу его». А дѣтина надѣлъ кафтанъ, подтянулъ кушакомъ, приосанился и гово-

рить: «ай-да дядя! Спасибо тебѣ на обновѣ! Не смѣю перечить: въ чужомъ домѣ вѣдь надо хозяина слушать!»

Хозяина злость взяла; захотѣлось ему на своемъ, во чтобы то ни стало, поставить; побѣждалъ онъ на конюшню, вывелъ лучшую лошадь и говоритъ дѣтинѣ: «для тебя ничего миѣ не жалко! Вотъ садись на мою лошадь! Бери ее себѣ!» А самъ думаетъ: «авось станетъ миѣ перечить?

тогда я его проучу по своему». А дѣтина опять за свое: «въ чужомъ домѣ надо хозяина слушать». Да ужъ только потомъ, какъ на лошадь сѣлъ, такъ и крикнулъ Демьяну-мужику: «прощай, хозяинъ! никто

тебя не толкалъ, самъ ты въ яму попалъ!» Да вскачь и пустилъ коня со двора.

Посмотрѣлъ ему хозяинъ вслѣдъ, покачалъ головой и говоритъ: «нашла коса на камень!»

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жилъ да былъ старикъ со старухою, и былъ у нихъ сынъ, Мартынка. Пришло время—заболѣлъ старикъ и померъ; и хотъ вѣкъ свой работалъ, а всего достатку оставилъ по себѣ двѣсти рублей. Не хотѣлось старухѣ этихъ завѣтныхъ денегъ тратить, да что дѣлать? — Ъсть стало нечего, пришлось взяться за кубышку съ завѣтными деньгами. Отсчитала старуха сто рублевиковъ и посылаетъ сына въ городъ хлѣба въ запасъ на годъ купить. Поѣхалъ Мартынкъ — вдовынкъ сынъ въ городъ; ѣдетъ мимо мясныхъ рядовъ, и видитъ толпа народу собралась: шумъ, брань, визгъ чей-то слышится... Мартынка къ толпѣ подѣхалъ и видитъ: изловили мясники охотничью собаку, привязали къ столбу, и бьютъ немилосердо... Сжалился Мартынка надъ бѣдной собакой и говоритъ мясникамъ: «братцы! За что вы бьете бѣднаго пса такъ немилостиво?» — «Какъ его не бить, когда онъ цѣлую тушу говядины испортилъ?» — «Полно, братцы, не бейте—лучше мнѣ продайте». — «Пожалуй, купи», говорятъ, шутя, мясники, «только мы за такое сокровище

меньше ста рублей не возьмемъ». — «Ну, сто такъ сто», отвѣчалъ имъ Мартынка, вынулъ деньги и отдалъ за собаку. А собаку ту Журкой звали. Приѣхалъ Мартынь домой, мать и спрашиваетъ его: «что купилъ?» — «А вотъ Журку купилъ», отвѣчаетъ ей сынъ. Мать на него съ бранью набросилась, стала его укорять: «не стыдно-ли тебѣ? Намъ скоро ѣсть будетъ нечего, а ты на поганого пса сколько денегъ извелъ». На другой день опять посылаетъ старуха своего сына въ городъ и говоритъ: «вотъ тебѣ послѣдніе наши сто рублей—купи хлѣба запасъ: нынче послѣдніе поскребышки по закромамъ собрала да лепешку спекла, а завтра и того не будетъ!» Приѣхалъ Мартынка въ городъ, сталъ по улицамъ ходить да присматриваться, и видитъ—мальчишка зацѣпилъ кота веревкой за шею и тащить къ водѣ. «Постой», закричалъ Мартынь, «куда Ваську тащишь?» — «Тащу топить его». — «За какую провинность?» — «Блудливъ очень: цѣлаго гуся стянулъ». — «Не топи, лучше продай мнѣ». — «Ни за сто рублей», сказалъ мальчикъ. «Ну, сто такъ сто—бери деньги». И взялъ у мальчишки Ваську. «Что купилъ, сынокъ», спросила мать? — «А вотъ кота Ваську». — «А еще-то что?» — «Колибъ деньги остались, можетъ быть купилъ бы еще что нибудь». — «А-а-а, такъ ты вотъ какой безпутный!» закричала на сына старуха, «стунай же изъ дома вонъ, ищи себѣ хлѣба по чужимъ людямъ!»

Не посмѣлъ Мартынь матери прекословить, взялъ съ собою Журку да Ваську, и пошелъ въ сосѣднее село работы искать. На встрѣчу ему мужикъ богатый: «куда, свѣтъ, идешь?» — «Въ батраки хочу наняться». — «Сту-

най ко мнѣ, только я работниковъ безъ ряды беру: прослужишь годъ, такъ въ наладѣ не будешь». Согласился Мартынь, и безъ устали цѣлый годъ на того мужика работалъ. Пришелъ срокъ къ расплатѣ, повелъ мужикъ Мартына въ амбаръ, показалъ ему на два полныхъ мѣшка, и говорить: «какой хочешь, тотъ и бери!» Смотритъ Мартынь—въ одномъ мѣшкѣ серебро, а въ другомъ песокъ, и раздумался: «это видно штука-то не проста придумана. Дай, возьму я песокъ—что-то изъ этого выйдетъ?» Взвалилъ Мартынь мѣшокъ съ пескомъ на спину и пошелъ искать другаго мѣста. Шель-шель, и забрелъ въ темный, дремучій лѣсъ. Среди лѣса поляна, на полянѣ огонь горитъ, въ огнѣ дѣвица сидитъ, да такая красавица, что посмотрѣть любо! И говорить красавица: «Мартынь, вдовынь-сынъ: если хочешь добыть себѣ счастье, избавь меня! Засынь это пламя пескомъ, который ты за вѣрную службу получилъ». — «И вправду!» — подумалъ Мартынка, «чѣмъ на спинѣ этакую тяжесть таскать, лучше человѣку пособить». Развязалъ мѣшокъ, и весь песокъ свой на огонь высыпалъ. Огонь тотчасъ погасъ, а красная дѣвица обернулась змѣею, вскочила добродушному молодцу на грудь, обвилась кольцомъ вокругъ его шеи и провѣщала: «не бойся меня, Мартынь, вдовынь-сынъ! Иди смѣло за тридевять земель, въ подземное царство, гдѣ мой батюшка царствуетъ. Только помни: будетъ онъ тебѣ давать много золота и серебра, и камней самоцвѣтныхъ—ты ничего не бери, а проси у него съ мизиннаго перста колечко. То кольцо не простое: перекинешь его съ руки на руку—тотчасъ двѣнадцать молодцовъ явятся, и чтобы имъ ни было приказано, все за единую ночь выполнять».

Отправился молодецъ въ дальній путь - дорогу, долго-ли, коротко-ли шель — сталъ подходить къ тридесятому царству, и очутился наконецъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ поперекъ дороги лежалъ огромный камень. Тутъ змѣя соскочила съ его шеи, ударила о сырую землю и сдѣлалась по прежнему красной дѣвицей. «Ступай за мной!» говоритъ она Мартыну, и показала ему лазейку подъ камнемъ. Долго шли они подземнымъ ходомъ, и вышли на широкое поле, подъ ясное небо, а на томъ полѣ дворецъ былъ выстроенъ—весь порфировый, съ золотой кровлей чешуйчатой, съ золотыми островерхними маковицами. «Вотъ тутъ и живетъ отецъ мой, царь этой подземельной стороны», сказала Мартыну красная дѣвица.

Вошли во дворецъ странники, и встрѣтилъ ихъ царь ласково, опривѣтствовалъ. «Дочь ты моя милая», сказалъ онъ красной дѣвицѣ, «не чаялъ я тебя увидѣть здѣсь! Гдѣ же ты столько лѣтъ пропадала?» — «Свѣтъ ты мой, батюшка! и совѣмъ бы я пропала, кабы не этотъ добрый человѣкъ: онъ меня отъ смерти неминучей спасъ!» Обернулся царь, посмотрѣлъ на Мартына привѣтливо, и говоритъ: «спасибо тебѣ добрый молодецъ! Готовъ я тебя за твою добродѣтель наградить, чѣмъ ты пожелаешь: бери золота, серебра и каменьевъ самоцвѣтныхъ, сколько душа твоя захочетъ». — «Спасибо и тебѣ, царь-государь, на добромъ словѣ. Только мнѣ ни камней самоцвѣтныхъ, ни золота, ни серебра не надобно, а коли будетъ такая твоя милость, коли точно меня хочешь пожаловать — дай мнѣ колечко съ твоей царской руки съ мизиннаго перста. Стану я на то колечко посматривать, тебя вспоминать; а

сыщу себѣ невѣсту по нраву, такъ ей подарю»... Царь тотчасъ снялъ кольцо, отдалъ Мартыну и примолвилъ: «изволь, добрый молодецъ, владѣй кольцомъ на здоровье! Только съ уговоромъ: никому не сказывай, что кольцо у тебя не простое—самъ себѣ бѣду накличешь».

Мартынъ, вдовинъ-сынъ, сказалъ царю спасибо, взялъ кольцо и пустился обратно тѣмъ самымъ путемъ, какимъ въ подземельное царство пришелъ. Воротился онъ на родину, отыскалъ свою мать-старуху, и стали они вмѣстѣ жить да поживать, безъ всякой нужды и печали. Казалось бы, такъ Мартыну и жить—не тужить; такъ нѣтъ, захотѣлось Мартыну жениться, да еще и жену-то взять за себя не ровню, королевскую дочку. Присталъ онъ къ матери, посылаетъ ее свахою: «ступай», говоритъ, «къ самому королю, высватай за меня прекрасную королевну». — «Эхъ, сынокъ!» говоритъ ему мать-старуха, «рубиль-бы ты дерево-то по себѣ—лучше бы вышло. А то вишь что выдумалъ! Какъ я пойду къ королю за тебя его дочь сватать—не сносить будетъ ни тебѣ, ни мнѣ головы на плечахъ». — «Ничего не бойся, матушка! Коли я посылаю, значитъ—смѣло иди. Да безъ отвѣта отъ короля ко мнѣ и не ворочайся!»

Поплелась старуха въ королевскій дворецъ. Вошла она на королевскій дворъ, да такъ безъ доклада и лѣзетъ къ самому королевскому крыльцу. Ей часовые руками машутъ, знаками показываютъ, что тамъ никому ходить не приказано: она и въ усь не дуетъ — лѣзетъ да и все тутъ. Набѣжали тутъ королевскіе слуги всякіе, ухватили старуху подъ руки, хотѣли ее потихоньку съ крыльца долой

свести—такъ куды! Старуха подняла такой крикъ, такую брань, такъ на всѣхъ накинута, что и самъ король, въ своей высокой рѣзной палатѣ слышалъ шумъ и въ окошко на дворъ выглянулъ: видить, что слуги его тащутъ съ крыльца какую-то старуху, не пускаютъ ее въ королевскіе покои, а старуха упирается и кричитъ благимъ матомъ: «не пойду отсюда! Я къ королю за добрымъ дѣломъ пришла!» Велѣлъ король допустить къ себѣ старуху. Вошла старуха въ рѣзную палату, и видить—въ переднемъ углу, на высокомъ рѣзномъ стулѣ, на подушкахъ червчатого бархата, сидитъ король, думу думаетъ среди своихъ вельможъ и совѣтниковъ. Помолилась старушка на иконы и поклонилась королю низехонько. «Что скажешь старушка?» король вымолвилъ. «Да вотъ пришла къ твоей милости; не во гнѣвъ будь тебѣ сказано: пришла я къ тебѣ свахою». — «Что ты, баба, или не въ своемъ умѣ?» промолвилъ король, и насупился. — «Нѣтъ, король-батюшка, не изволь гнѣваться, изволь отвѣтъ дать: у тебя товаръ—дочка, красавица, у меня купецъ — сынъ молодецъ, такой умница,

такой хитрецъ и на всѣ руки мастеръ, что тебѣ зятя лучше и не надобно. Вотъ ты и скажи мнѣ напрямикъ—отдашь или нѣтъ свою дочку за моего сына?» Служаль-служаль старуху король, и сначала было темнѣй ночи нахмурился, да потомъ думаетъ: «стоитъ-ли на глупую старуху мнѣ, королю, гнѣваться?» И подивились совѣтники королевскіе — видятъ, у короля на лбу морщины разглади-

лись, посмотрѣлъ онъ на старуху съ усмѣшкою: «коли сынъ твой такой хитрецъ, да на всѣ руки мастеръ, такъ пусть онъ мнѣ за единыя сутки построить богатѣйшій дворецъ насупротивъ моего, а между тѣмъ дворцомъ и моимъ, пусть повѣситъ хрустальный мостъ, да чтобы по сторонамъ того моста росли кудрявыя яблони, съ золотыми и серебряными яблоками, а на тѣхъ яблоняхъ распѣвали бы райскія птицы. А по правую руку отъ хрустальнаго моста пусть построить пятиглавый соборъ, золотыя маковки: было-бы гдѣ ему вѣнецъ съ моей дочкой принять, было-бы гдѣ и свадьбу сыграть. А коли сынъ твой всего этого не выполнить, то за дерзость твою и его велю я васъ смолой вымазать, въ пуху, въ перьяхъ выкатать, да на помѣшище добрымъ людямъ въ клѣткахъ на площадь вывѣсить». И еще свѣтлѣй король улыбнуться изволилъ, а вельможи да совѣтники его со смѣху покатались, въ одинъ голосъ его мудрость хвалить стали; сами думаютъ: «то-то мы натѣшимся, какъ намъ старуху съ сыномъ въ клѣткахъ показывать стануть! Ужъ, вѣстимое дѣло, скорѣе у него борода на ладони вырастетъ, нежели онъ такую мудрую задачу выполнить». А старуха такъ и обомлѣла: «что же», говоритъ королю, «это твое послѣднее государственное слово? Такъ и сыну передать прикажешь?»—«Такъ и сыну передай: коли задачу выполнить, отдамъ за него дочку; а не выполнить—въ клѣтку васъ обоихъ засажу».

Идетъ старуха домой, еле-жива, изъ стороны въ сторону такъ и шатается, горючими слезами заливается; увидала Мартынку, вопить ему издали: «сказывала я тебѣ, сыночекъ, руби по себѣ дерево! Вотъ теперь и пропали наши